

Не легче ему станет, когда он возглавит правительство. Леворадикальные депутаты Государственной Думы первых созывов, казалось, лишь для того приходили на заседания, чтобы сорвать разработанный премьером и его командой план умиротворения страны. Каждый выход Столыпина к трибуне Думы сопровождался криками, свистом, топанием ног. Но человек внушительного роста, обладавший звучным голосом, он, вопреки расчетам крикунов, произносил речь, и те, кто хотел, слышали его сквозь шум и крик. При всем своем аристократизме Петр Аркадьевич был сильным, упрямым русским мужиком и проводил свои реформы в жизнь с неодолимостью тарана. («Вам нужны великие потрясения, – заявит он однажды в ответ на очередную депутатскую истерику, – нам нужна великая Россия!») В то же время он никогда не забывал о дворянской чести. Когда один из оппозиционеров с трибуны назовет меры усмирения бунтов «стольпинским галстуком», Петр Аркадьевич пошлет ему записку с вызовом на дуэль. «Я не хочу выглядеть в глазах моих детей вешателем» – так объяснит он другу свое решение стреляться. Но депутат, смелый на трибуне, от вызова уклонится. Верно с тех пор в своих речах он будет подбирать выражения...

Справедливости ради надо сказать, что постоянно обвиняемый в диктаторских замашках Столыпин неустанно призывал оппозицию к сотрудничеству. Убежденный монархист, он в то же время понимал, что России нужны работоспособный парламент и разумительные законы.

– Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой воз-

можна совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково понятен всем, – скажет он в одном из своих выступлений в Думе. – Я отдаю себе отчет в том, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы...

Что ж, его призыв будет услышан, но... в весьма своеобразной форме: загородный дом премьера, в котором он жил с семьей в летнее время, террористы разнесут динамитом на куски. Снова Петр Аркадьевич останется цел и невредим. Но взрывом были убиты десятки людей, пришедших к премьеру на прием в тот воскресный (!) день, тяжелые раны получают две дочери Столыпина. Царь предложит премьеру деньги на лечение дочерей, на что Петр Аркадьевич твердо ответит монарху: «Ваше Величество, я не продаю кровь моих детей».

После этого теракта Николай II распорядится поселить семью Столыпиных там же, где и сам жил – в тщательно охраняемом Зимнем дворце. Но отказаться от прежней привычки долго гулять пешком Петр Аркадьевич и здесь не смог: в часы досуга он сосредоточенно ходил по крыше Зимнего. И, несмотря на то, что террористы вели за ним настоящую охоту, он ежедневно ездил на службу, встречался с иностранными дипломатами, часто навещал свою старшую больную сестру. Один из террористов впоследствии признается, что однажды не выстрелил в премьера лишь потому, что тот стоял у окна с маленьким ребенком на руках...

Тем не менее революция медленно, но все же шла на убыль. Впервые в истории России крестьяне благодаря аграрной реформе Столыпина получили право вы-

хода из общины, стали получать земельные наделы в собственность. По инициативе премьера был принят ряд законов в интересах рабочих. Готовилась реформа просвещения. Однако противники Столыпина (а их было немало и в ближайшем окружении царя) всеми силами пытались свести его реформы на нет, по-прежнему держа его «на мушке». Словно испытывая Петра Аркадьевича на страх, один из известных пилотов того времени пришлет ему приглашение подняться вместе с ним в небо. Соратники премьера (говорят, за созвучие с фамилией они за глаза уважительно называли его Столпом) как могли отговаривали шефа от этой затеи. И не только потому, что в начале прошлого века летать на самолете решались лишь отчаянные головы. Службе безопасности было известно, что пилот по своим политическим взглядам близок к эсерам-максималистам.

– Я полечу, – коротко скажет Столыпин в ответ на все предупреждения.

Так же коротко он ответит согласием поехать в августе 1911 года на юг вместе с царской семьей, хотя особой нужды в этом у него не было. Во время остановки царского поезда в Киеве царь захочет побывать в местном оперном театре и позовет с собой премьера. Во время первого антракта некто Богров, анархист-революционер и агент царской охранки одновременно, неторопливо подойдет к никем не охраняемому Столыпину и так же неторопливо выстрелит в него два раза. Петр Аркадьевич в ответ не произнесет ни звука, одну руку положит на свой белый, как снег, мундир, на котором расплывалось красное пятно смертельной раны, другой – перекрестит сидевшего неподалеку Николая II и замертво упадет.

Произойдет такая вот страшная, дикая, темная история, по сей день до конца не разгаданная. Убийцу схватят, спешно допросят, повесят – как будто кто-то опасался, что он во время скрупулезного расследования назовет заказчиков. Кто они были? Наверное, мы никогда не узнаем их имена. Но цель, которую они ставили перед собой, убивая великого сына России, уже тогда была очевидна: страну, только что поднимающуюся с колен, вновь ввергнуть в хаос и потрясения...

Иван ЗЮЗЮКИН

Россия, XX век. Начало